

О МЕДИЦИНСКОЙ РИТОРИКЕ ГАЛЕНА

И.В. ПРОЛЫГИНА

Уже в классическую эпоху в Греции медицина была тесно связана с риторикой, поскольку нуждалась в инструментарии для убеждения аудитории и логического обоснования методов лечения. В императорский период владение риторическими приемами становится неотъемлемым признаком образованности и принадлежности к интеллектуальной элите, которая высоко ценила импровизированные публичные выступления и словесные диспуты, в том числе и на научные темы. Гален как один из самых ярких и плодотворных писателей эпохи Антонинов и Северов занимает одно из ключевых мест в этой культуре так называемой «Второй софистики». Однако исследование его стиля до сих пор относится к категории *desideratum*. Трудность состоит, главным образом, в том, что его сочинения исключительно разнообразны по своему объему, жанровой специфике и целевой аудитории и в каждом отдельном случае требуют внимательного соотнесения текста с контекстом. В статье анализируются некоторые софистические аспекты сочинений Галена как автора, который избрал способ говорить о науке. Рассматривается вопрос о том, что современные исследователи понимают под «Второй софистикой» и каковы критерии принадлежности того или иного автора к этому явлению. Одним из таких критериев выступает *paideia* — школьное грамматическое, риторическое и философское образование, которое обеспечило много общих формальных черт, зафиксированных в сочинениях греческих и римских авторов этого периода. И, хотя Гален прямо не говорит о своем риторическом образовании и скептически отзывается о методах риторического убеждения, список его сочинений, посвященных вопросам грамматики и риторики, который сохранился в его автобиографических сочинениях, свидетельствует о его пре-

красном владении вопросом. С другой стороны, даже поверхностное чтение его сочинений указывает на опыт Галена в составлении так называемых «прогимнасм» и владение жанровой спецификой основных типов текста: повествованием, восхвалением, инвективой, сравнением и описанием, опровержением и др., которые позволили ему стать выдающимся врачом, полемистом, комментатором и изобретателем научного дискурса.

Как известно, во второй половине V в. до н.э. в Греции происходит зарождение и развитие различных видов «искусств» (*technai*). Среди этих искусств риторика и медицина, на первый взгляд, имеют мало общего: целью первой было убеждение слушателей посредством речей, а второй — лечение больных. Однако, уже начиная с «Гиппократова сборника», медицинские тексты были тесно связаны с риторикой. Софист Горгий в «*Похвале Елене*» сравнивает воздействие речей на душу с воздействием лекарств на тела¹. Платон в «*Горгии*» и «*Федре*» рассматривает медицину в целом и Гиппократов, в частности, как модель для определения целей и метода истинной риторики². Некоторые медицинские тексты были составлены для устного произнесения перед широкой аудиторией и содержали характерные черты эпидейктического жанра, как показал Ж. Жуанна на примере трактатов «*Об искусстве*» (*De arte*) и «*О ветрах*» (*De flatibus*), входящих в «*Гиппократов сборник*»³. Знание и практическое применение риторических приемов уже в V в. до н.э. было залогом успешной медицинской карьеры, а часть медицинского корпуса с полным основанием можно считать частью риторической культуры уже в этот период. Однако не только медицина влияла на риторику, но и риторика на медицину. Так, по мнению Ж. Пиго, стиль играл значительную роль при описании клинической картины в «*Эпидемиях*» Гиппократов⁴.

---

¹ Gorgias, DK 82 B 11 (14) = Radermacher 39 (14).

² Plato, *Gorg.*, passim начиная с 464 A, *Phaedr.* 270 B sqq.

³ Jouanna (1984). P. 26-44; (2012). P. 39-54. О других сочинениях «Гиппократова сборника», предназначенных для декламации см. Festugière 1948: VIII-XIII.

⁴ Pigeaud (1988). P. 305-329.

Медицинское искусство было неизбежно связано с системой доказательств и коммуникацией как между врачом и пациентом, так и внутри медицинского сообщества в целом. Поэтому справедливо говорить о «медицинской риторике», которая, с одной стороны, наряду с философией позволяла применять логические методы доказательств, раскрывающие причины болезни и обосновывающие применение того или иного метода лечения¹, а, с другой, была непременным условием для подтверждения профессионального статуса врача, его авторитета и положения в обществе, особенно в римский период.

В этом контексте Гален Пергамский (129–210 / 217 гг. н.э.) занимает исключительное положение и в силу весьма объемного сохранившегося корпуса его сочинений, представляющих разнообразие литературных жанров, и в силу богатого набора риторических приемов, которые позволяют составить живое представление о технической стороне литературы эпохи Второй софистики, и в силу значительного числа его исторических и автобиографических сведений. Как заметил В. Наттон в своем предисловии к переводу трактата «О прогностике»: «В корпусе своих трудов Гален демонстрирует значимость своего блестящего образования, силу своей риторики и талант к софистическому красноречию, в котором он мог бы соперничать с любым из своих современников. Воспитанный в традиции импровизированных речей странствующих философов и риториков и сам регулярно выступающий с публичными лекциями по медицине и логике, он временами приближается к стилю и языку проповедника. «Священные речи» Элия Аристида показывают познания софиста в области медицины, а трактат Галена «О прогностике» показывает познания врача в области софистики»².

В. Наттон сравнивает двух современников, выходцев из Малой Азии: софиста Элия Аристида, чьи обширные познания в области медицины позволили ему написать любопытный текст о своей жизни и опыте длительного лечения, и врача Галена, блестяще владевшего риторическим инструментарием софистов. Эта параллель наводит на несколько мыслей: во-первых, риторика и софис-

---

¹ См. Coste, Jacquart, Pigeaud (2012).

² Nutton (1979). P. 59.

тика, во II в. н.э., скорее всего, представляла собой единой целое; во-вторых, движение так наз. Второй софистики представляло собой не узко литературное явление, но охватывало разные интеллектуальные направления, в частности, как ораторское, так и медицинское искусство.

В настоящей статье мы предпримем попытку проанализировать некоторые софистические аспекты сочинений Галена в литературном и культурном контексте его времени, исходя из его собственных свидетельств о полученном образовании и использовании риторического инструментария. Но, прежде всего следует сказать несколько слов о том, что мы понимаем под «Второй софистикой» — понятием, которое в конце прошлого столетия вызвало живую научную дискуссию¹, и какое место в ней отводится Галену.

Термин «Вторая софистика» впервые встречается у Филострата в контексте характеристики греко-римской культуры и литературы императорского периода и касается т. наз. «новых софистов» — ораторов, занимавшихся преимущественно эпидейктическим красноречием. В современной научной литературе понятие Второй софистики было переосмыслено и расширено до пределов исторического периода, культурного и литературного движения, объединенного общей тематикой и риторическими приемами. К разнообразию литературных жанров «Второй софистики» относят и прозу Галена. Так, Гр. Андерсон в своем исследовании, посвященном Второй софистике, приводит схему с концентрическими кругами вокруг софистики, в которых располагает авторов I-II вв. Гален в этой схеме занимает периферическое место наряду с Плутархом². Однако остается открытым вопрос о том, каковы критерии принадлежности автора к Второй софистике?

Гален не преподавал риторику, о его риторическом образовании сохранилось лишь несколько его собственных упоминаний. О софистах он обычно упоминает либо в отрицательном, либо в ироническом смысле. Однако нам известно, что он написал целый ряд сочинений «для ораторов», как он сам указывает в своем

---

¹ Bowersock (1969). P. 11-15; Kollesch (1981). P. 1-11; Brunt (1994). P. 43-46; Swain (1996); von Staden (1997). P. 33-54; Whitmarsh (2005).

² Anderson (1993). P. 10.

сочинении «*О собственных книгах*»¹. Кроме того, на его принадлежность к ораторской традиции указывает его постоянная практика импровизации, которая позволяет считать его, если не софистом, то, по крайней мере, их конкурентом². На принадлежность Галена к общему с софистами (такими, например, как Дион Хрисостом и Фаворин) литературному движению указывает также тематика многих его сочинений и их жанровая специфика. Так называемая *paideia*, которая подразумевает грамматическое, риторическое и философское образование, обеспечила много общих формальных черт у греческих и отчасти римских интеллектуалов императорского периода. И Гален, несмотря на свой медицинский дискурс, который был направлен в большей степени на научное знание (*episteme*) с опорой на систему доказательств, аристотелевскую теорию научного метода и иерархию посылок (научных, диалектических, риторических и софистических), постоянную апелляцию к мнению Платона и Гиппократов, а не на торжественное красноречие (*epideixis*), не является исключением. Как замечает Г. фон Штаден, «Аудитория Галена, курсировавшая между выступлениями софистов и медицинскими дебатами, вероятно, предъявляла схожие риторические, театральные и эмоциональные требования к обоим видам выступлений. Если верить рассказам Галена, он не обманул ее ожиданий: слушатели встретили высокообразованного интеллектуала, прекрасно начитанного в вопросах истории, литературы и риторики, опытного оратора и полемиста, чья техническая виртуозность восхищала и наставляла удивленную публику»³. Фон Штаден дал здесь прекрасную оценку различий между Галеном и софистами в контексте культуры зрелищности и риторического соперничества того времени.

Не считая рассеянных по его текстам отдельных замечаний, Гален прямо практически нигде не говорит о своем риторическом образовании. Для некоторых исследователей этот факт послужил основанием для того, чтобы исключить Галена из числа авторов, принадлежащих культуре Второй софистики⁴. Однако помимо прямых свидетельств следует обратить внимание на часть его утра-

---

¹ *De libr. pr.* XX. Рус. пер. Пролыгина (2017). С. 673.

² См. von Staden (1995). P. 47-66.

³ Von Staden (1997). P. 53-54.

⁴ Brunt (1994). P. 44.

ченных сочинений, о которых известно благодаря сохранившемуся каталогу его трудов, приведенных в трактате «*О собственных книгах*». Список приведенных сочинений ясно показывает живейший интерес Галена к вопросам языка и стиля и свидетельствует о том, что, как минимум, он признавал риторику самостоятельной дисциплиной. В последней XX главе, озаглавленной как «Сочинения общие для грамматиков и ораторов¹» он приводит следующий список: «Сорок восемь книг *О лексике аттических писателей*²; три книги *Об общеупотребительной лексике Евполида*; пять книг *Об общеупотребительной лексике Аристофана*; две книги *Об общеупотребительной лексике Кратина*; книга *Примеров особой комедийной лексики*; *Полезно ли чтение древней комедии для учащихся*³; семь книг *Против тех, кто порицает допускающих солецизмы в речи*⁴; книга *О ложных аттицизмах*; *О ясности и неясности*; книга «*Можно ли быть одновременно критиком и грамматиком*»⁵.

К этому списку можно смело добавить еще комментарий к трактату Евдема «*О стиле*», о котором Гален упоминает в XIV и XVI главе того же сочинения. И если число филологических сочи-

¹ Все эти сочинения утрачены. В трактате *De indol.* 20 Гален упоминает о том, что большинство его сочинений по литературной критике погибли при пожаре в храме Мира в 192 г.

² О содержании этого трактата Гален кратко упоминает в *De ord. libr.* V, 1-4.

³ Гален интересовался словарем не только Аристофана, но и его современников Эвполида и Кратина. Эти три автора составляли часть канона комедиографов классического периода, см. *Ars poetica* Горация. Как показал фон Штаден и Наттон, Гален часто использовал словарь комедиографов V и IV вв. до н.э. для объяснения медицинского или иного термина, особенно, в комментариях на Гиппократ, см. von Staden (1998). P. 65-95; Nutton (2009). P. 30-31. Под «общеупотребительной лексикой» (πολιτικὰ ὀνόματα) Гален имеет в виду, скорее всего, лексику, отличную от диалектизмов или от любой научной лексики, требующей комментария.

⁴ Об этом трактате Гален упоминает также в *De ord. libr.* V, 3. Глагол «употреблять солецизмы», σολοικίσειν, происходит от названия г. Сола, афинской колонии в Киликии, жители которой со временем утратили чистоту аттического диалекта и стали допускать неправильные речевые обороты.

⁵ *De libr. pr.* XX. Рус. пер. Прольгина (2017). С. 673.

нений Галена, известных нам только по названиям, не так велико, то корпус комментариев Галена, который также свидетельствует о богатой литературной эрудиции автора и его требовательности к лингвистической точности, насчитывает более 70 текстов. Кроме того, в его сочинениях встречается множество замечаний о стиле других авторов, особенно Гиппократов, и о греческом языке своих предшественников таких, как Диоскорид или Архиген.

Еще один отрывок из его сочинения «*О собственных книгах*» позволяет сделать вывод о том, что риторика не рассматривалась Галеном как дисциплина, позволяющая убедить слушателей. Для нахождения аргументации Гален предпочитает говорить о диалектике и доказательном методе:

И вот, препоручив себя всем знаменитым стоикам и перипатетикам того времени, я узнал множество иных логических теорем, которые при дальнейшем рассмотрении нашел бесполезными для доказательств. <...> И, клянусь богами, насколько это зависело от учителей, я и сам впал бы в пирроново сомнение¹, если бы не придерживался принципов геометрии, арифметики и счета, в которых изначально преуспел благодаря образованию, полученному главным образом от отца, унаследовавшего эти теоретические знания от деда и прадеда². И вот, видя, что мне представляются отчетливо истинными не только все те вещи, которые относятся к предсказаниям затмений и устройствам солнечных и водяных часов, но и все иное, изобретенное согласно [законам] архитектуры, я решил, что лучше пользоваться способом геометрических доказательств³. Ибо я обнаружил, что даже величайшие знатоки диалектики и философы расходятся во мнениях не только друг с другом, но и сами с собой, однако все единодушно восхваляют геометри-

---

¹ Пиррон из Элиды (360–270 до н.э.) был основателем скептической школы.

² О своем отце и его влиянии на начальное образование Гален упоминает в *De animi aff. dign.* 8 (Kühn V, 4, 1 sqq.; De Boer, CMG V 4, 1, 1, p. 28). Он рассказывает о том, что отец дал ему прекрасное образование в области геометрии, арифметики, архитектуры и астрономии. О семье Галена см. Schlange-Schöningh (2003). 40 sqq.

³ О сложной модели геометрического анализа у Галена см. Lloyd (1990). 60 sqq.

ческие доказательства. Таким образом, я еще больше осознал, что надо воздерживаться от рассуждений философов, но следовать своеобразию линейных доказательств. <...> И вот, тем, кто желает поупражняться в линейных доказательствах, я советую выучиться им самим, а затем прочитать наше сочинение *О доказательствах*¹, которое я составил в пятнадцати книгах².

Как следует из этого отрывка, Гален не упоминает о риторике как о важной составляющей своего профессионального образования. По всей видимости, у авторов научной прозы не было необходимости демонстрировать риторические приемы, за исключением профессиональных софистов. В области медицины, начиная с Гиппократов, ее заменяла философская диалектика, которой Гален также посвятил целый ряд сочинений, упоминаемых в трактате «*О собственных книгах*»³.

Однако, несмотря на этот факт, риторика, несомненно, было частью базового образования Галена, и владение ее основными приемами было необходимым условием публичных выступлений. Известно, что в системе античного образования она следовала сразу за изучением грамматики и включала изучение классиков и составление так называемых «прогимназм» (*progymnasmata*), предварительных риторических упражнений. Сохранились античные учебные пособия, которые содержали курс основных типов текстов для изучения: басню, повествование, анекдот, восхваление, инвективу, сравнение, описание, тезис, опровержения и др.⁴. Изучив формальные композиционные и жанровые особенности этих

---

¹ От трактата *De demonstratione* сохранилось только несколько фрагментов на греческом и несколько цитат на арабском. Гален считал это сочинение крайне важным для логического образования будущего врача и важным инструментом для овладения любым правильным методом. О попытке реконструкции этого текста см. Chiaradonna (2009). P. 43-77; Navrda (2015). P. 265-287; Прольгина (2018). С. 33-51.

² *De libr. pr.* XIV. Рус. пер. Прольгина (2017). С. 665.

³ В *De libr. pr.* Гален упоминает о своих «сочинениях, полезных для доказательств» (XIV), «сочинениях, относящихся к философии Платона» (XVI), «сочинениях, относящихся к философии Аристотеля» (XVII), о книгах, касающихся «разногласий с философией стоиков» (XVIII).

⁴ Kennedy (2003). P. 173-228; Patillon, Bolognesi (1997); Penella (2015).

текстов и овладев необходимыми знаниями в области мифологии, литературы и классической афинской истории, студенты переходили к составлению и публичному произнесению собственных декламаций (*meletai*) на разные темы. В корпусе сочинений Галена можно встретить примеры почти всех школьных упражнений такого рода: и повествования, и анекдоты, и инвективы, и восхваления, и опровержения и проч. с полным набором приемов риторической аргументации, которую не стоит недооценивать. Сохранилось даже отдельное сочинение, которое по своим жанровым характеристикам можно смело отнести к энкомию с чертами тезиса — «*Об упражнении с маленьким мячом*»¹.

Таким образом, при реконструкции мысли Галена и той или иной характеристике его сочинений следует помнить об этом усвоенном им с детства базовом риторическом образовании, даже если эксплицитно Гален о нем и не говорит. Можно привести цитату автора *Прогимнасм* Элия Теона, который замечает: «Я изложил это не потому, что думал, что все это подходит для всех начинающих, но для того, чтобы мы знали, что занятие этими упражнениями совершенно необходимо не только будущим ораторам, но также тому, кто желает заниматься искусством поэтов, историков или других писателей. Ибо это своего рода основы любого вида словесности, и как кто заложит их в душу юношей, таковы непременно будут и последующие результаты. Вот почему необходимо, чтобы в дополнение к сказанному и сам учитель, составив некоторые совершенные опровержения и утверждения, предписал юношам их пересказывать, чтобы они, усвоив эти примеры, смогли им подражать»². Полученный в юношеском возрасте опыт устного и письменного изложения своих мыслей, по всей видимости, воспринимался как нечто вполне обыденное и естественное, и не требовал дополнительных комментариев от автора, который использовал весь риторический инструментарий как нечто само собой разумеющееся подобно тому, как это делали Плутарх или Лукиан.

Материал поступил в редакцию 5.03.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 20.03.2023

---

¹ Gibson (2014), рус. пер. Пролыгина (2019). С.245-252, 253-261.

² Aleius Theon. *Progymn.* 70 Spengel. Пер. авт.

СОКРАЩЕНИЯ

Сочинения Галена

De animi aff. dign. — *De animi cuiuslibet affectuum dignotione et curatione*

De indol. — *De indolentia*

De libr. pr. — *De libris propriis*

De ord. libr. — *De ordine librorum suorum*

Другие авторы и их сочинения

Aelius Theon

Progymn. — *Progymnasmata*

Plato

Gorg. — *Gorgias*

Phaedr. — *Phaedrus*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Издания и переводы

Kühn, C.G. ed. (1821-1833) *Claudii Galeni opera omnia*. Leipzig.

Nutton, V. (1979) *Galen. On Prognosis*, CMG V, 8, 1. Berlin.

Patillon, M., Bolognesi, G. (1997) *Aelius Théon: Progymnasmata*. Paris.

Гален (2018) “О том, что не стоит печалиться”. Пер. с древнегреч. и комм. И.В. Пролыгиной, *Философский журнал*. Т. 11. № 4, 180-186.

Пролыгина, И.В. (2017) “Гален. О собственных книгах”, *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 11. Вып. 2, 636-677.

Пролыгина, И.В. (2019) “Гален. Об упражнении с маленьким мячом”, *Философия. Журнал высшей школы экономики*. Т. 3, № 1, 253-261.

Исследования

Anderson, G. (1993) *The Second Sophistic. A Cultural phenomenon in the Roman Empire*. London: Routledge.

Bowersock, G.W. (1969) *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford: Clarendon P.

Brunt, P. (1994) “The Bubble of the Second Sophistic”, *BICS*, 39, 25-52.

Chiaradonna, R. (2009) “Le traité de Galien “Sur la démonstration” et sa postérité tardo-antique”, R. Chiaradonna, F. Trabattoni, eds., *Physics and Philosophy of Nature in Greek Neoplatonism*. Leiden-Boston: Brill, 43-77.

Coste, J., Jacquart, D., Pigeaud, J. (2012) *La rhétorique médicale à travers les siècles*. Genève: Droz.

Festugière, A.-J. (1948) *Hippocrate. L'ancienne médecine*. Paris: Klincksieck.

- Gibson, C.A. (2014) "Encomium and Thesis in Galen's *De parvae pilae exercitio*", *Greek, Roman and Byzantine studies*, 54 (3), 462-473.
- Havrda, M. (2015) "The purpose of Galen's treatise *On demonstration*", *Early science and medicine*, 20.3, 265-287.
- Jouanna, J. (1984) "Rhétorique et médecine dans la Collection Hippocratique", *Revue des Études Grecques*, 97, 26-44.
- Jouanna, J. (2012) "Rhetoric and medicine in the Hippocratic corpus. A contribution to the history of rhetoric in the fifth century", J. Jouanna, ed. *Greek Medicine from Hippocrates to Galen*. Leiden-Boston: Brill, 39-54.
- Kennedy, G.A. (2003) *Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric*. Leiden-Boston: Brill.
- Kollesch, J. (1982) "Galen und die Zweite Sophistik", V. Nutton, ed. *Galen. Problems and Prospects*. London: Wellcome Institute for the History of Medicine, 1-11.
- Lloyd, G.E.R. (1990) *La science grecque après Aristote*. Paris: Éditions La Découverte.
- Nutton, V. (2009) "Galen's Library", C. Gill, T. Whitmarsh and J. Wilkins, eds. *Galen and World of Knowledge*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 19-34.
- Pigeaud, J. (1988) "Le style d'Hippocrate ou l'écriture fondatrice de la médecine", M. Détienne, éd. *Les savoirs de l'écriture en Grèce ancienne*. Cahiers de Philologie 14, 305-329.
- Penella, R.J. (2015) "The Progymnasmata and Progymnastic theory in Imperial Greek Education", W.M. Bloomer, ed. *A Companion to Ancient Education*. Wiley-Blackwell, 77-90.
- Schlange-Schöningen, H. (2003) *Die römische Gesellschaft bei Galen*. Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Swain, S.C.R. (2006) *Hellenism and Empire. Language, Classicism and Power in the Greek World 50–250 A.D.* Oxford: Oxford UP.
- von Staden, H. (1995) "Anatomy as Rhetoric: Galen on Dissection and Persuasion", *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 50-1, 47-66.
- von Staden, H. (1997) "Galen and the "Second Sophistic", R. Sorabji, ed. *Aristotle and After*. BICS Suppl. 68, 33-54.
- Whitmarsh, T.G.J. (2005) "The Second Sophistic", *Greece and Rome: New Surveys in the Classics* 35. Oxford: Oxford University Press, iv-106.
- Пролыгина, И.В. (2018) "Рациональное и сакральное у Галена", *Философия. Журнал высшей школы экономики*, 2.1, 33-51. [Prolygina, I.V. (2018) "Racional'noe i sakral'noe u Galena", *Filosofija. Zhurnal vysshej shkoly jekonomiki*, 2.1, 33-51].

Прольгина, И.В. (2019) “Игра с маленьким мячом в контексте античной спортивной медицины”, *Философия. Журнал высшей школы экономики*, 3.1, 245-252. [Prolygina, I.V. (2019) “Igra s malen'kim mjachom v kontekste antichnoj sportivnoj mediciny”, *Filosofija. Zhurnal vysshej shkoly jekonomiki*, 3.1, 245-252].

Irina PROLYGINA

ON GALEN'S MEDICAL RHETORIC

In ancient Greece, medicine was closely linked to rhetoric as it needed the tools to persuade the audience and logically justify the methods of treatment. During the imperial period, mastery of rhetorical techniques became an essential characteristic of education and belonging to the intellectual elite who highly valued improvised public speeches and debates, including those on scientific topics. Galen, as one of the brightest and most prolific writers of the Antonine and Severan periods, occupied a key place in this culture of the so-called “Second Sophistic”. However, the study of his style still belongs to the category of *desideratum*. The difficulty lies mainly in the fact that his compositions are extremely diverse in terms of their volume, genre specificity, and target audience, and in each case, require careful correlation of the text with its context. The question is considered of what modern researchers understand by “Second Sophistic” and what criteria determine whether a particular author belongs to this phenomenon. One of these criteria is *paideia* — a classical school education in grammar, rhetoric, and philosophy, which provided many common formal features recorded in the writings of Greek and Roman authors of that period. And although Galen does not directly speak about his rhetorical education and skeptically comments on the methods of rhetorical persuasion, the list of his works devoted to questions of grammar and rhetoric, which is preserved in his autobiographical writings, testifies to his excellent mastery of the subject. On the other hand, even skimming of his writings points to Galen's expertise in composing so-called “progymnasmata” and his mastery of literary genres: narration, eulogy, invective, comparison and description, refutation, etc., which allowed him to become an outstanding physician, polemicist, commentator, and inventor of scientific discourse.